

ценности и т. д.), заканчивая участием взрослых — культурных посредников, агентов гендерной социализации.

Список литературы

1. *Елизаветина Г.* Становление жанров автобиографии и мемуаров // Русский и западноевропейский классицизм. Проза. — М.: Наука, 1982.
2. *Эйдельман Т.* Автобиография [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://files.school-collection.edu.ru/dlrstore/6032bbff-78f6-c764-3048-81e3fb637f9b/1002876A.htm>
3. *Астафьева Е.Н. и др.* Биографическое интервью. — М.: УРАО, 2001.
4. *Пушкарева Н.Л.* Устная история и гендерная история: история сближения и перспективы развития // Общественные науки и современность. — 2012. — № 1.
5. *Берн Ш.* Гендерная психология. — СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004.
6. *Levant R., Richmond K.* A review of research on masculinity ideologies using the Male Role Norms Inventory // Journal of Men's Studies. — 2007. — Vol. 15. — № 2.
7. *Кон И.С.* История и теория мужских исследований // Гендерный калейдоскоп / под ред. М.М. Малышевой. — М.: Academia, 2002.
8. *Сидоренко Е.В.* Терапия и тренинг в концепции Альфреда Адлера. — СПб.: Речь, 2002.
9. *Здравомыслова Е., Тёмкина А.* Создание гендерной идентичности: методика анализа интервью // Гендерные исследования. — 2000. — № 5.
10. *Греймас А.-Ж.* Структурная семантика: Поиск метода / пер. с фр. Л. Зиминной. — М.: Академический Проект, 2004.
11. *Радина Н.К., Павлычева Т.Н.* «Значимые» в историях жизни выпускников интернатных сиротских учреждений // Социальная психология и общество. — 2010. — № 1.
12. *Радина Н.К., Никитина А.А.* Социальная психология мужественности. Социально-конструктивистский подход. — М.: БОРГЕС, 2011.
13. *Радина Н.К., Павлычева Т.Н.* Рассказы о жизни как отражение психологических проблем выпускников сиротских учреждений // Вопросы психологии. — 2010. — № 5.
14. *Хайдеггер М.* Бытие и время / пер. с нем. В.В. Библихина. — Харьков: Фолио, 2003.

УДК 316.75
ББК 60.56

**И.В. ТРОЦУК,
А.В. МОРОЗОВА**

ДАРЕНИЕ ЦВЕТОВ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РИТУАЛИЗИРОВАННОЙ ПРАКТИКИ

Дарение цветов рассматривается авторами статьи как особый социокультурный ритуал. С помощью модели, предложенной Г. Зиммелем, исследуется «истинное» содержание различных видов данной ритуализированной практики в формате как новосозданных ритуалов современности, так и самых традиционных и даже древних. Дарение цветов, будучи ритуалом, осуществляет ряд социальных функций, среди которых следует особо выделить консолидирующую, идеологическую, инновационную функцию и функцию социальной памяти.

Ключевые слова: дарение цветов, ритуал, форма и содержание ритуала, история дарения цветов, социальные функции ритуализированной практики дарения цветов.

Цветы прочно вошли в жизнь современных людей, выступая средством украшения (домов, офисов, улиц и т. д.), предметом дарения (на празднике, на свидании и т. п.) и элементом прощания с усопшими. Цветы — предмет ритуала, его свидетель, они дополняют другие ритуалы: так, дарение цветов мужчиной женщине на свидании — это ритуализованная практика, вплетенная в ритуал ухаживания; украшение цветами помещения для свадьбы — широко распространенное явление, цветы вовлечены в церемонию. Несмотря на то, что на многие праздники и в связи с какими-либо событиями принято дарить подарки, в сознании людей обязательными оказываются и цветы: как возможно 8 Марта в России без цве-

тов; как еще можно поблагодарить артиста за прекрасно проведенный вечер в театре? Таких примеров множество, и все они иллюстрируют признание индивидами важной роли цветов в ритуалах.

В обыденном понимании понятие «ритуал» нередко имеет достаточно негативный характер — ритуал выступает как формальная процедура, где ценности и смыслы ритуального действия не являются поистине таковыми для индивида, его осуществляющего [1, с. 96]. Такой подход свойственен Г. Зиммелю: для него светское общение имеет чисто игровую форму. Однако в жизни человека сложно найти абсолютно неритуализованные и, наоборот, исключительно ритуализованные формы: реальные

жизненные взаимодействия всегда ритуализованы — в большей или меньшей степени, поэтому видеть в ритуале только негативные черты неправильно — это сужает круг возможного анализа. Многие люди, осуществляя акт дарения цветов, не отдают себе отчета в ритуальности данного действия или, напротив, признают ее, но не желают мириться с насильственностью этой процедуры, отказываясь дарить цветы кому-либо. Однако все это не умаляет положительной роли данной практики в проектировании гендерной интеракции.

Представители разных наук имеют свой взгляд на ритуал. Этнографы, этнологи, культурантропологи понимают под этим понятием «определенные установленные действия, которые совершаются с целью повлиять на действительность, имеют символический, неэмпирический характер и, как правило, социально санкционированы» [2, с. 222]. Р. Берндт и К. Берндт называют ритуал магическим или религиозным обрядом, стилизованным и символическим действием, которое исполняется для достижения определенных целей в земной жизни или в загробной [3, с. 190]. М. Дуглас считает, что «ритуалы — это определенные типы действий, служащие цели выражения веры или приверженности определенным символическим системам» [4, р. 13]. Безусловно, социологическая трактовка ритуала имеет более широкий характер. Так, по В. Фуксу, ритуал это «социально регулируемая, коллективно осуществляемая последовательность действий, которые не порождают новой предметности и не изменяют ситуацию в физическом смысле, а перерабатывают символы и ведут к символическому изменению ситуации» [5, S. 650]. Такая интерпретация ритуала позволяет применять это понятие к анализу не только религиозных явлений, но и различных повседневных практик, а потому прекрасно подходит для изучения ритуала дарения цветов.

Основополагающей для социологического понимания ритуала служит его трактовка как культурно стандартизованного набора действий символического содержания, совершаемых в ситуациях, предписываемых традицией. Слова и действия, составляющие ритуал, в любой культуре обычно определены очень точно и весьма мало, если вообще сколько-либо, изменяются от одного случая совершения ритуала к другому (если обратиться к повседневному примеру, то слова поздравлений на день рождения всегда повторяются и весьма стандартны). В кризисные периоды ритуалы позволяют снимать ощущение тревоги и неблагополучия (скажем, дарение цветов больному). Поэтому исследователи обычно отличают ритуал от церемонии: последняя представляет собой более детализированную последовательность действий, включающую в себя ряд ритуалов; кроме того, церемония всегда имеет социальный характер, и ее не может проводить один человек, в то время как ритуалы могут быть и коллективными, и индивидуальными. Ритуал предполагает символическое поведение, повторяющееся в определенные периоды времени, отражающие в стилизованной и явной форме те или иные ценности и проблемы группы / индивида. Поэтому не только устойчивые и крупные, но

и небольшие и недолговечные социальные группы могут создавать собственные ритуалы.

Положительные свойства ритуала детерминированы его социальными функциями [6]. Социализирующая функция ритуала состоит в том, что, являясь элементом культуры, он помогает индивиду приобщиться к ней, воспитывает те качества, без которых социально одобряемая жизнь в обществе невозможна (человек может принципиально отказаться от дарения цветов, но окружающие вряд ли его поймут). Ритуал играет важную роль в поддержании коллективной памяти, обеспечении связи прошлого с настоящим и будущим: ритуалы актуализируют в памяти индивидов опыт прошлых поколений, причем многие ритуалы кажутся нам современными, хотя их истоки кроются в глубокой древности. Идеологическая функция ритуала вытекает из определения любой идеологии как апологии существующего строя и способа защиты его статус-кво. Принимая нормы и ценности общества, трансляция которых осуществляется главным образом через систему ритуалов, индивид оказывается вовлеченным и в идеологический процесс конституирования смыслов. В сознание индивида, без особой рефлексии с его стороны, проникают нормы и ценности, которые лежат в основе конкретного общества, к которому он принадлежит. Безусловно, ритуал может «внедрить» в головы все, что выгодно обществу, но именно эта его функция позволяет консолидировать социум.

В то же время ритуалы выполняют не только консолидирующие, но и «развивающие» функции, прежде всего, функцию производства субъективности — в ритуале происходит формирование субъективности / индивидуальности. Однако в сочетании с идеологической эта функция оказывается весьма противоречивой: «...действия индивидов — это результат практического социального знания, развитие которого требует ритуальных композиций» [7]. И поэтому нельзя не признавать факт существования так называемых «ритуалов-симулякров», представляющих собой не культурно, а рефлексивно созданные модели, отвечающие социальным запросам. Они практически не выполняют функцию производства субъективности, а, наоборот, через устоявшиеся и закреплённые формулы нивелируют индивидуальность до уровня безличного элемента массы, поступающего «как должно» (является ли дарение цветов ритуалом-симулякром — сложный вопрос, требующий обращения к истории). И, наконец, ритуалы выполняют инновационную функцию, которая заключается в способности продуцировать новое, то есть ритуалы не только повторяют и закрепляют прежний опыт, но и создают новые практики, необходимые обществу, вследствие как изменения традиционных ритуалов, так и формирования новых. В заданном контексте ритуал фактически обладает онтологическим статусом — позволяет сохранять устойчивость изменяющегося бытия, сплачивая людей.

Помимо современного разделения ритуалов на ритуалы-симулякры и культурно-традиционные, существуют и иные основания их классификации. Прежде всего,

это обозначенное еще Э. Дюркгеймом разделение на магические (магия имеет индивидуальный характер, для нее не характерна вера в Бога) и религиозные ритуалы. Также принято выделять кризисные ритуалы, которые совершаются индивидом или группой в сложные периоды жизни или в качестве ответа на острую и неотложную проблему. Календарные ритуалы проводятся регулярно по мере наступления предсказуемых, повторяющихся природных явлений, таких как смена времен года и т. п. По мере развития общества и его индустриализации многие ритуалы секуляризуются или частично отмирают, поэтому на смену календарным и другим ритуалам приходят так называемые «ритуалы интенсификации». Этот термин был введен американскими антропологами Э. Чеплом и К. Куном для обозначения совокупности ритуалов различных типов (календарных, кризисных и т. п.), призванных противостоять нарушению равновесия групповой жизни, которое обусловлено как внутренними, так и внешними причинами. Благодаря данному типу ритуалов интенсифицируются взаимодействия между членами группы, в результате чего повышается степень групповой сплоченности (пример — сбор всех родственников, которые давно не виделись, на свадьбе). В современном обществе сложилось множество ритуализованных форм действий, которые не стандартизированы, не кодифицированы и чаще всего не осознаются индивидами, но выполняют важнейшую функцию создания и поддержания достаточно стабильных структур межличностных взаимодействий. И. Гофман называет их диффузными формами социальности [8, с. 56]. Во многом данное определение характеризует и современную практику дарения цветов (хотя это не мешает называть ее ритуалом или ритуализованной практикой).

В рамках социологического анализа ритуалов существует еще один важный термин — «ритуализм», более широкий, чем ритуал, и охватывающий все, в том числе повседневные, социальные практики. Так, дарение цветов можно считать отдельным ритуалом и рассматривать его в контексте ритуализма, характерного для современного мира. Ритуализм выступает в трех основных значениях: принцип межличностных повседневных взаимодействий; форма адаптивного поведения; ценностная характеристика личностей, групп и крупных социокультурных систем. Первый смысл ритуализма как совокупности неосознаваемых, но конституирующих социальность повседневных действий зафиксировали эксперименты Г. Гарфинкеля. Для социологического анализа данный подход не вполне достаточен, поскольку дарение цветов не только связано с повседневными взаимодействиями индивидов, но и является элементом культуры. Второй смысл ритуализма представлен в работах Р. Мертона — это тип индивидуальной адаптации, когда индивид отвергает культурно определенные цели из-за неспособности их достижения, но продолжает выполнять институциональные правила и нормы, предназначенные для их достижения. Рассмотрение дарения цветов в данной трактовке затрагивает лишь отдельный срез проблемы. Так, некоторые

мужчины на дни рождения, 8 Марта, на годовщины исправно дарят цветы женам и тещам, в душе ненавидя, но цветами «поддерживая» стабильность и «мир» в общем жилом пространстве. Чтобы понять смысл и причины такого поведения, в данном случае, видимо, корректнее обратиться к концепции социального действия М. Вебера.

Оптимальной для целей социологического анализа является третья трактовка ритуализма как систематического следования нормам и правилам, которые традиционны по своему происхождению и характеру, но не соответствуют потребностям и ценностям реальной жизни. И здесь следует обратиться к концепции Г. Зиммеля с его разведением формы и содержания социальных взаимодействий [9, с. 117]: содержание — все, что наличествует у индивидов в виде влечений, целей, интересов, стремлений, психических состояний и переживаний; это материя или энергия социального, которая находит упорядоченное общественное выражение через форму. По мнению Зиммеля, формы, что впоследствии «отвердевают» и превращаются в ритуалы, происходят из самой жизни и когда-то имели очевидную практическую целесообразность. Будучи ритуализованными, формы как бы лишаются цели, становятся «пустыми», не связанными с непосредственностью жизни, но при этом начинают оказывать на нее воздействие, определяя и формируя материю жизни, ее содержание.

Таким образом, с социологической точки зрения, практику дарения цветов можно считать ритуалом и в контексте ритуализма анализировать соотношение форм и содержания.

В современном российском обществе цветы дарят на праздники (день рождения, 8 Марта, 9 Мая, 1 сентября, День учителя, Новый год, 14 февраля, День матери и т. д.); к знаменательным событиям в жизни человека (помолвка, свадьба, повышение по службе, устройство на работу, рождение ребенка, сдача экзамена, защита диплома)¹, на окончание школы или института, новоселье, годовщины и пр. Мужчины дарят цветы женщинам на свиданиях. Цветами провожают усопших на похоронах, с ними приходят на кладбище; цветы приносят к памятникам; дарят артистам, «звездам»; ставят к иконам. Цветами встречают близких и родных, уезжавших надолго. С цветами приходят к больным; цветами украшают помещения (а также отдельные предметы, одежду, прически). Во многих перечисленных событиях декорирование цветами можно рассматривать как отдельную ритуализованную практику.

Историки и антропологи нередко подчеркивают, что в основном в России цветы дарят мужчины женщинам: на праздники не принято дарить мужчинам цветы (хотя в последнее время появились и мужские букеты), но в то же время, есть определенные цветы, которые можно дарить мужчинам, прежде всего ветеранам, на 9 Мая (гвоздики). Считается возможным вручить цветы больному независимо от пола. То же относится и к ритуалу похорон:

¹ Дарение может подноситься как самому индивиду, так и научному руководителю, преподавателю.

здесь важнее сам факт наличия растений (необязательно живых), чем пол мертвого. Из этого следует, что сегодня очевидно смешение множества символик, взаимовлияние различных культур, которое, с одной стороны, позволяет вводить все новые формы ритуалов, а с другой — сильно затрудняет анализ, поскольку здесь не прослеживаются однозначных и одновекторных влияний. Несмотря на это в отмеченном многообразии можно найти некоторые опорные точки, в первую очередь, это повод для дарения цветов, то есть цель, причина, «содержание» ритуала по Зиммелю.

Итак, дарение цветов на знаменательные события связано с ритуалом инициации, когда индивид переходит на новую ступень социальной жизни (оканчивает школу, институт, женится, становится родителем и т. д.). Выходя замуж, девушка меняет привычный образ жизни, оказываясь частью новой семьи. Здесь цветы скорее играют роль символа вступления в новый этап жизни, нежели заключают в себе тайный ритуал, который сохранился до наших дней. Однако если принять во внимание тот факт, что букет невесте дарит именно жених, то можно увидеть истоки другого ритуала. Раньше не существовало традиции дарить невесте букет — цветы использовались в венках (вместо фаты), в украшении платья. Только в XIX веке в России появляется традиция дарить букет накануне венчания: букет из флердоранжа был уместен только на венчании, преподнесение такого букета без повода воспринималось как намек, оскорбительный для девушки. «Язык цветов» или «села» (тайный шифр цветочного языка) пришел с Востока, где люди с древности использовали различные формы скрытого общения. Цветочный шифр подразумевал, прежде всего, переписку и обмен тайными знаками между влюбленными.

Существует предположение, что эта восточная традиция была привнесена в Европу во второй половине XVIII века из Турции. «Язык цветов» возник в ответ на запрет обучать женщин грамоте в мусульманских странах, «чтобы они не сделали из этого злоупотребления» [10, с. 43]. Единственным средством общения между влюбленными стали цветочные букеты-послания.

В качестве примера можно привести цитату из романа барона Жака-Антуана де Реверони Сен-Сира «Сабина Герфельд, или опасности воображения» (1798), перевод которого был опубликован в журнале «Аглая» за 1808 год: «Ежели имеешь бальзамин, розовый лавр, мимозу, голубую сиренгу (сирень), персиковый цвет и скабиозу, если нет у тебя можжевельника, колокольчиков и желтого нарцисса, то будешь иметь розу, желтофиоли». Смысл: «Ежели имеешь добродетель, приятности, чувствительность, разборчивость, постоянство, скромность, если нет у тебя пороков, нетерпеливости, вожделений, то будешь иметь другом женщину нежную и верную».

В Европе XVIII века запреты на общение молодых людей были не такими строгими, как в мусульманских странах. Они ограничивались христианской моралью и правилами светского этикета, поэтому «язык цветов» приобрел скорее развлекательные функции: цветы стали

средством игры, модной головоломкой эпохи романтизма, поэтому и шифры цветочного языка не были однозначными, в отличие от стран Востока.

В России европейский вариант восточного «языка цветов» в свой повседневный быт ввело русское дворянство в начале XIX века. Это увлечение перешло позднее и в народ, но простонародная символика отличалась от дворянских кодификаций цветов. Конечный смысл букета определяло все: расположение цветов, их форма, число и сочетание. Коды цветов со временем менялись, и порой шифры были настолько сложными, что требовались дополнительные знания (для дворян существовали специальные руководства). У крестьян в кодификации использовались более простые цветы, которые были доступны каждому, поэтому главный цветок дворянского «алфавита» (роза) здесь вообще не был представлен. Кроме того, розе долгое время сопротивлялась русская православная церковь, которая связывала ее с античным символом любви и католической символикой Девы Марии. Даже дворянство увлеклось розами лишь после наполеоновских войн под влиянием западной романтической литературы [11, с. 430—431]. В XIX веке в дворянстве существовали достаточно строгие предписания, какие цветы можно дарить незамужней, юной девушке, а какие — замужней и пожилой; к нейтральным цветам относились фиалка и резеда. Постепенно, к концу XIX — началу XX века, цветочная символика трансформировалась во вполне устойчивые правила (можно говорить о некоторой институционализации «языка цветов»), то есть произошло то, что Г. Зиммель называл «систематическим следованием правилам и нормам без знания его смыслов». Дарение цветов стало частью этикета, и цветы утратили роль «скрытого» средства коммуникации, начав выполнять нормативную функцию (сегодня таковы ритуалы дарения цветов на свидании, свадебной церемонии) [9].

Несмотря на утрату прежних кодов [12] современная флористика разработала свою символику цветов, которая сочетает в себе элементы народных и дворянских кодификаций как России, так и других стран. Многие значения изменились, в том числе и в связи с появлением новых сортов цветов. Если раньше белые розы обозначали, что влюбленный считает, что у девушки черное, черствое сердце, теперь это символ чистоты. Впрочем, современная цветочная символика в большей степени учитывается на переговорах, важных встречах, где уделяется внимание этикету. Единственное, на что сегодня обращают внимание практически все россияне, — количество цветов. Существует устойчивое коллективное представление, что только покойнику можно приносить четное число цветов, а живым следует дарить нечетное. В XIX веке в России такого правила не существовало — важным было сочетание цветов, а их количество могло быть разным. Внимание к числу цветов — новшество советского периода (новое государство породило новую ритуальную практику).

Если изучить особенности традиций дарения цветов в бывших советских республиках, то повсеместно можно обнаружить ритуал дарения нечетного их числа (кро-

ме Эстонии и Грузии) в качестве подарка. В СССР были распространены некоторые общие ритуальные особенности дарения цветов (нечетное их число при дарении по радостным поводам), поэтому даже после распада Советского Союза подобная практика сохранилась. Таким образом, говорить о древней истории описанного ритуала не приходится: вероятно, эта практика сложилась в результате суеверности людей, свойственной им независимо от культуры (в других странах это суеверие получило иные формы). В древности цветы дарили в основном властителям, монархам или преподносили богам (здесь было важно, чтобы дар не нанес ущерб одариваемому, поэтому избирались особенные числа, которые благотворно влияют на его жизнь). Практика дарения цветов в качестве подарка (букета) любимым, а затем и в честь знаменательных событий родным, близким и «значимым» чужим оформилась исторически поздно (в России лишь к XIX веку), до этого цветы в основном использовались в качестве украшения (одежды и пространства).

Ритуал возложения цветов на могилы, напротив, исторически оформился очень рано — примерно 13 700 лет назад [13]. В древнейших Натуфийских захоронениях в пещере Ракефет на горе Кармель недалеко от современного города Хайфа были обнаружены следы цветов, чей возраст составляет 13700 — 11700 лет: стебли шалфея, растения семейств яснотковых и норичниковых. Могилы покрывали слоем мягкой грязи, на который помещали живые цветущие растения, чтобы украсить захоронения и обеспечить приятное благоухание. Предположительно возложение цветов не зависело от пола или возраста усопшего, применялось и к одиночным захоронениям, и к двойным (когда два тела помещались в одну могилу). То есть цветы на могилах в древности выполняли декоративные функции и использовались в качестве природных ароматизаторов.

В России сложилась традиция возложения на могилы ритуальных венков: первоначально это было связано с языческими обрядами, которые позднее перешли в религиозные. На Троицу (целый праздничный цикл Семик-Троица, Зеленые Святки) девушки плели венки из веток березы и дуба и оставляли их на березах и могилах умерших, призывая землю к пробуждению и плодоношению. После утреннего богослужения все его участники шли к могилам, неся с собой венки и еду.

О магической роли хождения в посевах девушек говорится в семицких песнях. В целом важное значение женского компонента в земледельческих обрядах связано с мифологическим представлением о женской природе земли. Особая роль в этих празднествах принадлежала девушкам в связи с их переходным статусом — к женщине, способной стать матерью. Отличительной чертой Семика было поминовение «заложных», к которым причисляли умерших «не своей» смертью: самоубийц, опойц (умерших от пьянства), умерших без покаяния, проклятых родителями, казненных преступников, колдунов, имевших дело с нечистой силой, и иноверцев. Их по христианской традиции не отпевали в храмах, поэтому такие покойники считались людьми с неизрасходованной энергией, теми,

кто может «увести за собой в могилу» (с этим поверьем связаны истории о русалках — это души умерших девушек и маленьких детей).

В Зеленые святки с помощью еды и венков поминали всех «заложных», а также вспоминали погибших воинов — им готовили специальную еду, раскидывали цветы на местах сражений. Термин «Троицкая зелень» определяет особую роль растений и цветов в ритуалах Троицы — это свежие травы, цветы, деревья, ветки деревьев и кустов, которыми украшается внутреннее и внешнее пространство поселения в праздничный цикл Семик-Троицы. Предполагалось, что в это время растения обладают особой магической силой и могут помочь получить богатый урожай и приумножить благополучие людей. Кроме того в свежей зелени видели души умерших, поэтому в некоторых местах существовал запрет косить траву и рубить деревья (кроме ритуальных) в этот период. На Троицкую субботу поминали всех умерших родственников. В мифологических представлениях славян на Семик-Троицу предки временно покидали «тот свет» и появлялись на земле среди свежей зелени — деревьев, трав, цветов. Главной задачей живых было встретить и проводить их должным образом, то есть помянуть. Поминовение было ритуальным общением живых и умерших родственников: пришедшие на кладбище сначала обметали могилу троицкими растениями, а затем «втыкали» их в землю. Крестьяне Псковской губернии считали, что они таким образом «мертвым глаза открывают», «глаза у родителей прочищают»; в Новгородской и южнорусских губерниях опахивали вениками могилы, чтобы «родителей попарить» [14, с. 357; 15, с. 479; 16, с. 227]. На могильный холмик, кроме веток и цветов, клали венки (которые плели девушки из березы — для урожая). Таким образом, практикуемое сегодня возложение цветов и венков на могилы связано с древнейшими обычаями украшать могилы благовонными цветами и языческими обрядами славян «встречать» и помянуть покойников. Изначально данный ритуал был календарно фиксирован, сейчас время года не оказывает особого влияния на частоту поминовения усопших: на кладбище приходят по возможности и по особым религиозным и светским праздникам, а также по выходным. Такая беспорядочность отчасти связана и с тем, что после 1917 года все церковные праздники были запрещены, а особенности ритуала забыты. В любом случае, принося цветы и венки на могилы, люди невольно осуществляют функцию социальной памяти ритуала.

Возложение цветов к памятникам во многом связано с погребальными ритуалами, но здесь происходит поминовение усопшего без могилы, поклонение образу, таланту, памяти умершего. Как правило, цветы и венки приносят в дни рождения и годовщины смерти великих людей; цветы выступают символами почета, уважения и преклонения перед творчеством и поступками людей, оказавших влияние на жизнь и развитие страны (здесь вновь очевидна функция социальной памяти). Что касается приношения цветов к иконам, то оно связано с религиозным ритуалом поклонения образам богов в разных культурах,

однако в храмах цветы не всегда выступают «даром» иконам — они могут быть украшением на празднике, где существует своя цветовая символика.

Мода на цветочные театральные букеты впервые появилась в России в 1840-х годах — раньше было не принято дарить цветы актерам. Эта мода пришла с иностранными танцовщицами, появившимися на петербургской сцене. Цветы дарил не обычная публика, а родственники, друзья и поклонники, причем число букетов нередко заранее обговаривалось. В уборной артиста цветы собирались и возвращались за полцены в цветочные магазины, а деньги возвращались родственникам, некоторые артисты сами покупали цветы для подношения. Цветы были призваны создать у основной части публики впечатление, что она присутствовала на представлении, участников которого все любят, ценят и уважают. «Публика очень любит присутствовать при поднесении цветов и подарков артистам и щедро бывает на аплодисменты» [17, с. 31—32], то есть таким образом актеры привлекали на свои спектакли новых зрителей. На домашних спектаклях цветы дарились и ранее, но подобные подношения рассматривались как этикетная норма, тогда как театральные букеты представляли собой совершенно новую, ранее неизвестную в России форму цветочного ритуала.

Впервые цветы стали подносить на представлениях итальянской танцовщицы Марии Тальони, гастролировавшей в Петербурге в 1837—1842 годах и имевшей огромный успех: зрители кидали цветы на сцену от восторга, а не вследствие моды, которая установилась позже. Данная ритуализованная практика получила название «цветобесие» — так называли повальное увлечение цветочными букетами для артистов в 1840-е годы [18]. «Цветобесие», в свою очередь, было связано с возрождением итальянской оперы в России: после окончания выступлений некоторые артисты вместо современных автографов вручали поклонникам отдельные цветки из букетов. Цветы, таким образом, выполняли функцию социальной коммуникации для зрителей и актеров. В актерской среде быстро сформировалась особая символика цветов, обусловленная, в том числе, суевериями: в дореволюционной России не было принято дарить актрисам гвоздики — по негласной театральной традиции букет гвоздик, присланный импресарию, означал отказ продлевать контракт. Данный вид дарения цветов можно связать с инновационной функцией ритуала — он создал новую традицию выражения чувств актерам и стал способом продвижения актеров по карьерной лестнице. В этой связи дарение цветов актерам можно рассматривать как особую ритуализованную практику вне других ритуалов.

Следует отметить, что в России ритуал дарения не просто цветов, а оформленных букетов, зародился лишь в XIX веке, хотя аранжировка цветов имеет многовековую историю. Назначение и использование букетов в разные исторические эпохи различалось и зависело от традиций этикета. Правила составления букетов возникли во Франции в XVII веке. Россия впервые познакомилась с этими правилами в XVIII веке, в эпоху петровских преобразований. Дарение цветов жителям городов (в частности известным пожилым дамам) использовала в репута-

ционных целях Екатерина II: она выслушивала рассказы старушек об их жизни, любимых питомцах, узнавала дни их именин, и ее камердинер (именно мужчина) вручал им цветы (подобная практика имеет сходство с технологией, используемой актерами в театре). Тогда же возник ритуал дарения букетов в дни именин (они составлялись из оранжерейных цветов и тех, что продавались в цветочных магазинах); букеты полевых и садовых цветов стали преподноситься без официального повода, по случаю, то есть очевидно разделение типов цветов для официальных ритуалов и с целью оказания знаков внимания.

Описанные практики дарения цветов в основном использовались дворянами. В революционную и послереволюционную эпоху дарение цветов стало обычной повседневной практикой, однако интерес к цветочным букетам угас. Идеология социального равенства привела к тому, что выбор цветов стал весьма скудным. Рабочие не могли себе позволить держать оранжереи, им было некогда выращивать тропические растения. Основными «советскими» цветами стали красные гвоздики, гладиолусы, сирень, мимозы, нарциссы, тюльпаны и некоторые другие растения, которые можно было легко вырастить в саду. Розы дарились очень редко, поскольку были дороги. Букет из роз воспринимался советскими людьми как вершина совершенства и производил огромное впечатление. Дарение тех или иных видов цветов был связан с сезонностью, но гвоздика считалась универсальным цветком, уместным по любому поводу. В эпоху социализма больше ценились не сами цветы, а факт цветочного подношения (бытовавшая прежде цветочная символика полностью исчезла и возродилась лишь в последние десятилетия). В советское время широкое распространение получило домашнее цветоводство, поэтому нередко вместо срезанных цветов дарили цветы в горшке.

Эпоха СССР не только изменила практику дарения цветов, но и создала для дарения новые поводы [19]: Новый год, 9 Мая, 8 Марта, дни рождения, которые стали отмечать вместо именин, 7 ноября, 23 февраля, 1 сентября и др. Массовые праздники занимали важное место в культурном арсенале большевиков и их союзников. Советский Союз был не только «пропагандистским государством, но и инсценирующей диктатурой» [20, р. 4], поэтому советские праздники, призванные продемонстрировать новый социальный порядок, объединить общество и распространить в нем новые нормы, породили новую цветочную символику. Так, красная гвоздика стала символом победы большевиков, этот цветок можно было дарить по любому поводу, выражая тем самым солидарность с идеями нового государства.

Роль и функции массовых праздников постепенно менялись [21]: изначально советские праздники по тональности и внешнему антуражу были достаточно суровы, их главная задача состояла в демонстрации врагам силы и грозной решимости молодой республики, но во второй половине — конце 1920-х годов, по мере стабилизации социально-политической системы, начинается активное насаждение «дискурса радости и веселья» в пространстве советских праздников (именно в это время в Советском

Союзе появляется ритуализованная практика дарения цветов на праздники, хотя букеты не собирались), призванного компенсировать скучные торжественные заседания и доклады. Стали проводиться кампании по продвижению советских праздников в быт, где они должны были «обрасти» домашними традициями и отмечаться как прежде отмечались религиозные праздники. В некотором смысле цветы стали консолидирующим предметом — идей и действительности, правительства и народа, людей разных статусов и социального происхождения.

Так, например, праздник 8 Марта первоначально назывался Днем Работницы и был связан с борьбой женщин за гендерное равноправие, а затем получил статус Международного женского дня. Сегодня это день, когда мужчины «обязаны» дарить цветы представительницам прекрасного пола. Праздник берет свое начало в манифестации работниц швейных и обувных фабрик в Нью-Йорке 8 марта 1857 года: женщины требовали достойных условий труда и избирательного права наравне с мужчинами. В 1910 году Клара Цеткин на международной конференции женщин-социалисток в Копенгагене предложила праздновать Международный женский день 8 марта, что прозвучало как призыв ко всем женщинам мира включиться в борьбу за равноправие. В России впервые Международный женский день отмечался в 1913 году в Петербурге, а в 1917 году женщины получили избирательное право. С 1965 года день 8 марта стал официальным выходным. Советское правительство рекомендовало в этот день мужчинам дарить женщинам подарки и цветы (фактически возник ритуал-симулякр). Цветы считались как бы символом признания мужчинами равноправия женщин. Вначале цветы дарили только общественным деятелям женского пола, затем данная практика прижилась в повседневной жизни. Сегодня 8 Марта — день почитания женщин без политической подоплеки, дополнительный повод для мужчин оказать знаки внимания дамам, и цветы символизируют тот факт, что женщин ценят, любят и уважают.

С началом перестройки в России постепенно происходит возврат к прежним, зачастую забытым ритуализированным практикам. Однако это был не только и не столько возврат к прежней практике. Скорее — смешение нового со старым, интенсифицированным глобализационными тенденциями. Так, появление в стране первых шедевров голландского цветоводства и селекции привело к тому, что дарение цветов в современном российском обществе включает в себя как новосозданные ритуалы, так и те, чья история насчитывает несколько десятилетий и даже веков.

За каждым видом ритуала дарения цветов стоит свое содержание. Сводить ритуализированные практики дарения цветов лишь к формальным нормам этикета нельзя, как и говорить только о негативных чертах ритуализма в данной сфере: совершая акт дарения, каждый человек оказывается участником длинной культурной цепи, которая соединяет поколения и объединяет «разносшитых» людей в одну социальную ткань.

В рамках одной статьи сложно обозначить все социологически релевантные аспекты ритуала дарения цве-

тов. Однако уже по итогам проведенного анализа можно вполне уверенно утверждать, что, во-первых, этот ритуал вряд ли исчезнет в обозримой исторической перспективе, во-вторых, он не утратит своего нормативно-ценностного и социокультурного значения, в-третьих, будут возникать все новые форматы его практической реализации вследствие изменения его функциональных и нормативных элементов. Цветы во все большей степени превращаются в тот «подарок», что М. Мосс назвал «жестом, который кажется добровольным, но на самом деле является обязательным» [22, с. 85].

Список литературы

1. *Ионин Л.Г.* Социология культуры: путь в новое тысячелетие. — М., 2004.
2. *Firth R.* Elements of social organization. — London, 1951.
3. *Берндт Р.М., Берндт К.Х.* Мир первых австралийцев. — М., 1981.
4. *Douglas M.* Natural symbols. Explorations in cosmology. — London, 1970.
5. *Fuchs W.* Lexikon zur Sociologie. — Opladen: Westdeutscher Verlag, 1978.
6. *Хамрина Ю.А.* Воспроизводство социального посредством ритуала // Вестник Томского государственного университета. — 2011. — № 353.
7. *Вульф К.* Производство социального: ритуал, эмоции, воспоминания // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2010. — № 3.
8. *Гофман Э.* Представление себя другими в повседневной жизни. — М., 2000.
9. *Зиммель Г.* Приключение // Г. Зиммель. Избранное. Т. 2. Созерцание жизни. — М., 1996.
10. *Озобишин Д.П.* Селам, или язык цветов. — СПб., 1830.
11. *Похлебкин В.В.* Словарь международной символики и эмблематики. — М., 2007.
12. *Клименкова А.М.* Культурные коды как факторы формирования ценностных ориентаций // Вестник РУДН. Сер. Социология. — 2013. — № 3.
13. *Nadel D., Daninb A., Powers R.A., Rosend A.M., Bocquentine F.* et al. Earliest floral grave lining from 13,700—11,700-year-old Natufian burials at Raqefet Cave, Mt. Carmel, Israel // PNAS. — 2013. — 10.
14. *Зеленин Д.К.* Восточнославянская этнография. — М., 1991.
15. *Некрылова А.Ф.* Круглый год. Русский земледельческий календарь. — М., 1989.
16. *Соколова В.К.* Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов (XIX — начало XX века). — М., 1979.
17. *Панаева А.Я.* Воспоминания. — М., 1986.
18. *Басманова Э.* Старинный цветочный этикет: цветочные традиции и цветочный этикет в частной и общественной жизни России XVIII — начала XX века. — М., 2013.
19. *Рольф М.* Советские массовые праздники. — М., 2009.
20. *Kenez P.* The birth or the propaganda state. Soviet methods of mass mobilization, 1917—1929. — Cambridge, 1985.
21. *Шаповалов С.Н.* Особенности организации и проведения первого советского государственного праздника в 1918 году // Общество: политика, экономика, право. — 2011. — № 2.
22. *Мосс М.* Очерк о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах // М. Мосс. Общества. Обмен. Личность. — М., 1996.